

Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России

А.В. ПЕТРЯНИН – докторант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы юридической оценки и регламентации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в России до 1715 г. Также автором осуществлен сопоставительный анализ юридического содержания экстремизма в настоящее время и в указанный период на основе соответствующих памятников русского уголовного права.

Ключевые слова: экстремизм; уголовная ответственность за терроризм и экстремизм; история уголовного права; уголовно-правовая защита российской государственности.

The Formation of Criminal Liability and Regulation of Penalty for Extremist Orientation Crimes in Russia

A.V. PETRYANIN – a person working for doctor's degree at the Criminal and Criminal Executive Law chair of the Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law sciences, docent

Some problems of a legal estimation and regulation of criminal liability for crimes of extremist orientation in Russia before 1715 are considered in the article. The author made the comparative analysis of legal content of extremism at present and in some corresponding previous articles of the Russian Criminal Law.

Key words: extremism; criminal liability for terrorism and extremism; the history of the Criminal Law; the criminal-legal protection of the Russian state system.

В связи с отсутствием в проанализированных нами правовых памятниках российского законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности законодательного определения экстремизма, с нашей точки зрения, таковыми целесообразно считать общественно опасные деяния, посягающие на безопасность государства, содержащие при этом в себе признаки политической, расовой, религиозной ненависти или вражды. Для более глубокого и полного изучения рассматриваемой проблемы мы предлагаем все правовые источники анализировать с позиций современного российского уголовного права.

По нашему мнению, появление экстремизма в России и мире следует связывать с моментом зарождения государственности и разделением общества на классы. Возникновение данного института породило легализацию власти меньшинства над большинством, приносящей материальные

выгоды и дающей возможности достижения целей всеми средствами, доступными на конкретном историческом этапе. Данное обстоятельство явилось причиной появления несогласных с политикой меньшинства, стоящего во главе государства. Желание овладеть властью оправдывало любые средства, применяемые экстремистами, такие как убийство, насильственное свержение существующего строя, террористические акции и т.п. Использование самых радикальных методов и способов противостояния усиливало позиции экстремистов, подрывая при этом авторитет правящих сил и безопасность государства. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, следует констатировать, что экстремизм всегда имеет политический оттенок и особым образом проявляется в периоды обострения политических и социально-экономических противоречий. Например, П.А. Кропоткин считал, что терроризм в

России как наиболее радикальная форма проявления экстремизма был порожден политической борьбой, происходящей на конкретном историческом этапе: «Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и вновь умереть»¹.

Первый всплеск экстремизма в древнерусском государстве совпал с возникшей после смерти Владимира Святославовича борьбой князей за власть. Противостояние наследников породило народные восстания, подорвавшие авторитет киевского княжества и усилившие власть отдельных феодалов. Например, в 1113 г. признанный киевской знатью князь Владимир Мономах в целях предупреждения массовых волнений на время объединил основную часть русских княжеств. Непрерывные распри феодалов приводили к ухудшению внешнеполитического положения страны, лишая ее сил для борьбы с внешними врагами, что привело к окончательному распаду древнерусского государства².

Первоначально экстремизм имел чисто политический оттенок, так как являлся основным инструментом решения политических споров и способом борьбы за власть. Чаще всего свое проявление он находил в совершении убийств политических лидеров государства. Например, убив князей Бориса и Глеба, их двоюродный брат Святополк устранил претендентов на власть и получил возможность занять великокняжеский пост. На том историческом этапе под охрану закона ставились интересы не только человека, но и государства. В частности, наказуемыми были деяния, причиняющие ущерб государству и государственным органам. К ним относились: измена, восстание против князя, переход на сторону врага. Подчеркивая высокую общественную опасность преступлений, посягающих на государственную власть, законодатель рассматриваемого исторического периода установил наиболее суровые виды наказаний за их совершение. Например, за государственную измену Псковская ссудная грамота предусматривала лишь один вид наказания – смертную казнь³.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что уже в то время экстремизм принимал огромный размах и причинял серьезный ущерб государству, но тогда еще не было совершенной правовой базы, регулирующей эту сферу отношений, поэтому единственным вариантом предотвращения негативных проявлений было ужесточение ответственности.

Первым кодифицированным правовым памятником Русского государства стал Судебник 1497 г. Данный нормативный акт закрепил принципы централизации суда и управления, что повлияло на усиление позиций государственности. Судебник явился инструментом законодательной борьбы с антигосударственными проявлениями, подрывающими становление нового политического образования. Защищая интересы феодалов, судебник ввел усиленную репрессию за нарушение феодального правопорядка. Ведомые лихие люди, под которыми закон подразумевал лиц, выступающих против феодального гнета, карались смертной казнью⁴.

Ответственность за преступления экстремистской направленности в Уложении 1497 г. находит свое отражение в ст. 9: «крамольнику, ведомому лихому человеку... живота не дати, казнити его смертной казнью»⁵. Под крамоллой понималась измена родине, причем в состав этого преступления включалось не только действие, но и обнаружение умысла, направленного против личности или власти монарха. Крамольниками законодатель именовал представителей тех кругов населения, которые боролись с правительственной политикой и пытались посягнуть на безопасность государства⁶. Ведомые лихие – это заведомые преступники, к которым относились фактически любые лица, выступающие против господствующего класса⁷. Основанием причисления человека к ведомым лихим являлись результаты проводимых обысков. Лица, уличенные в совершении антигосударственных преступлений, подвергались пытке. Причем признание вины не становилось основанием для освобождения от применения пытки. В случае непризнания вины лицо после пытки подвергалось смертной казни.

Анализируемый правовой памятник впервые в истории развития Русского государства взял под охрану непосредственно государственную безопасность. Была предпринята попытка определения круга деяний экстремистской направленности, подчеркнувшая значимость законодательной охраны государственного строя. Причем причиной такой жестокой борьбы за политическую стабильность являлось активно развернувшееся классовое противостояние, которое набирало обороты не только в сельской местности, но и в городе.

Следующим правовым источником Российского государства, установившим уголовную ответственность за государственные преступления, стал Судебник царя и

великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. Причиной составления данного свода законов явился внутривластный кризис, породивший многочисленные восстания и погромы. Взяв за основу Судебник 1497 г., законодатели усилили ответственность за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма. Например, п. 61 судебника предусматривал суровое наказание за убийство государственного служащего: «государьскому убойце, коромольнику... живота не дати, казнити смертною казною»⁸.

Определить степень значимости охраны интересов государства в анализируемом документе в связи с отсутствием деления норм на главы и разделы возможно только путем анализа санкций. Санкция, содержащаяся в п. 61, является безальтернативной. Отсутствие вариативности при назначении наказания за совершение анализируемого преступления, в основу которой могли быть положены мотивы и цели, указывает на неотвратимость и жесткость наказания.

Предполагаемым объектом преступления в соответствии с данной статьей выступала стабильность государственного строя и безопасность государства. На это указывает характеристика объективной стороны и вид наказания. В качестве дополнительного объекта целесообразно рассматривать жизнь человека, а в некоторых случаях отношения собственности (при установлении ответственности за поджог).

Объективная сторона преступления включает в себя ряд разнородных действий, каждое из которых является самостоятельным и оконченным составом преступления. Из вышесказанного можно сделать вывод, что данная норма представляет собой состав преступления с альтернативными действиями. По законодательной конструкции рассматриваемый состав является формально-материальным.

С нашей точки зрения, на то, что речь идет о преступлении экстремистской направленности, могут указывать фрагменты:

- «государьскому убойце...»,
- «коромольнику...».

Субъект преступления – специальный, то есть лицо, наносящее вред непосредственно государственной безопасности и подлежащее только смертной казни.

Анализируемый нормативно-правовой акт еще не содержал дефиниций, формирующих понятия и устанавливающих признаки экстремизма и наиболее радикального его проявления – терроризма – как преступлений, посягающих на безопасность государства.

Примерами преступлений экстремистской направленности могут служить следующие исторические факты.

Введенная в 1564 г. опричнина Ивана IV положила начало периоду террора. Основной целью ее установления была ликвидация политического и экономического влияния боярства⁹. Потенциальный претендент на трон Владимир Старицкий со своими сторонниками был обвинен в заговоре, подвержен репрессиям и отравлен¹⁰.

Поход опричников на Новгород в 1570 г. был самым жестоким проявлением власти Ивана IV. Во время него разгрому были подвержены 27 монастырей, убиты дворяне, купцы и дьяки. В результате годы опричнины только ослабили государство, чем и не преминули воспользоваться его противники¹¹.

В войне русского государства с Ливонией ярко обнаруживаются проявления экстремизма, направленные на подрыв государственности. Так, поступок Андрея Курбского, выдавшего планы военного командования русских войск противнику, повлек молниеносный разгром армии. Затем бежавший за границу А. Курбский поступил на службу к польскому королю и великому князю Литовскому Сигизмунду II Августу и уже осенью 1564 г. принял активное участие в войне против России. Свидетельством государственной измены А. Курбского выступают документы, обнаруженные в польских архивах. В них указано, что еще за полтора года до своего побега князь активно сотрудничал с властями Польши и сообщал им о наиболее значимых политических и военных событиях, имевших место на Руси.

Сохранившаяся переписка Ивана IV и А. Курбского зафиксировала радикальные поступки как Ивана IV, так и А. Курбского¹². Измена родине, предательство, повлекшие за собой большое количество жертв, должны рассматриваться как действия, направленные на свержение власти и ликвидацию российского государства, и неоспоримо быть признаны экстремистскими.

Во время правления Федора Иоанновича, восшедшего на престол после смерти Ивана IV, власть находилась в руках регентского совета в связи со слабоумием царя. Между опекунами главы государства на протяжении всего его правления возникали противоречия. Богдан Бельский предпринял попытку государственного переворота в пользу царевича Дмитрия. Восстание было направлено на устранение опричнины и установление власти боярской думы. Переворот не увенчался успехом, и Богдан Бельский как

признанный лидер данного восстания был отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

Следующим этапом развития экстремизма в России был период, обозначивший начало царствования Бориса Годунова (с 1 сентября 1598 г.). Он был готов делать добро, если оно не мешало его личным интересам и способствовало им, но, как и предшественники, не останавливался ни перед каким злом или преступлением, если находил его нужным с точки зрения личных выгод, в особенности когда приходилось спасать самого себя¹³. Один из противников Годунова, Михайло Колычев, сбежавший в Литву, активно призывал к осуществлению военных действий против Москвы, гарантируя при этом отсутствие противостояния и поддержку со стороны правительства. Действия, совершаемые Колычевым, необходимо рассматривать как преступления, направленные на подрыв безопасности русских территорий, они могут быть квалифицированы как экстремистские.

Правление Лжедмитрия I (1605–1606 гг.) также давало богатую почву для экстремизма. Доказанным считается исторический факт, что Лжедмитрий являлся орудием в чужих руках, направленным на низвержение царя Бориса¹⁴. Борис Годунов был убит приверженцами Лжедмитрия, после чего 20 июня 1605 г. последний торжественно въехал в Москву. Во главе с князем Василием Шуйским, представлявшим интересы боярства, в Москве в мае 1606 г. вспыхнул заговор, результатом которого стало убийство Лжедмитрия и приход Шуйского к власти (правил государством до 1610 г.)¹⁵. Данные действия могут расцениваться как свержение ранее существовавшего строя, поэтому являются экстремистскими.

С нашей точки зрения, к сфере экстремизма следует отнести освобождение Василием Шуйским преступников из тюрем до своего вступления на престол. Действия освобожденных характеризовались особой циничностью и жестокостью, что повлекло массовые беспорядки в Москве в 1606 г. Итогом волнений стала смерть более четырехсот человек, повлекшая утрату авторитета существующей власти и усиление влияния противников Василия Шуйского¹⁶.

Противостояние власти и оппозиции посредством использования радикальных (экстремистских) мер, направленных на удержание и захват власти, явилось причиной глобального политического кризиса, вызвавшего распад Российского государства как единого к осени 1611 г. Основная

территория, включая Москву, была захвачена поляками. Остальные земли находились под контролем бесчисленного количества бандитов и самозванцев, использовавших для удержания власти радикальные насильственные способы.

Политический кризис на рассматриваемом историческом этапе потребовал принятия незамедлительных мер, направленных на восстановление государственности. В первую очередь была предпринята успешная попытка освобождения Москвы от польских захватчиков. К концу 1612 г. Москва была освобождена. Для усиления авторитета власти государства в январе 1613 г. был созван Земский собор, на котором было принято значимое политическое решение об объединении русских земель и избрании царя. Главой единой Руси стал шестнадцатилетний Михаил Романов.

Обнищание населения в процессе войны с Польшей, невозможность восполнения утраченного, а также перенасыщенная насилием политика правительства приводили к назреванию недовольства граждан, что нашло свое выражение в народных восстаниях, бунтах и крестьянских войнах, имевших в основе своей радикальные экстремистские мотивы.

Следующим правовым памятником, устанавливающим ответственность за проявления экстремизма, стало Соборное уложение 1649 г. Анализируемый нормативно-правовой акт был первым в России, включившим в себя главы, посвященные регулированию конкретных спектров общественных отношений. Перечень норм в нем имел системный характер.

С нашей точки зрения, в основу построения глав была положена значимость регулируемых общественных отношений: безопасность государства заняла второе место после церкви.

Ответственности за преступления экстремистской направленности была посвящена ч. 2 ст. 1 гл. 2 уложения: «кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеть и Государем быть и для того своего злова умышления начнут рать собирать... казнити смертию»¹⁷.

По нашему мнению, объектом уголовно-правовой охраны в анализируемой норме выступает не личность государя, а непосредственно безопасность государственного строя. Данный подход нашел свое отражение и в обвинениях, предъявленных Ивану Хованскому в 1682 г. как вдохновителю стрелецкого мятежа. Он подлежал нака-

занию «за злохитросный умысел на державу великих государей»¹⁸.

Признавая интересы государства приоритетом, остальные общественные отношения, которые попутно охранялись анализируемой статьей, следует рассматривать как дополнительные объекты уголовно-правовой охраны.

Характеризуя объективную сторону, необходимо отметить, что ответственность наступала не только за совершение оконченного преступления, но и за приготовление к нему, например за то, что кто-либо «начнет рать собирать». В связи с этим деяния, названные в ч. 2 ст. 2 анализируемой главы, могут рассматриваться как формально-материальный состав преступления, что является отличительной особенностью данной нормы.

Весьма интересно построение наказания за совершение интересующих нас преступлений. Появляется конфискация имущества как дополнительный вид наказания. Статья 5 названной главы, уточняя порядок наказания за государственные преступления, устанавливает, что обвиняемый в любом из перечисленных в ст. 2–4 деяний подвергается дополнительному наказанию в виде конфискации имущества¹⁹. Виновный лишался всего имущества («поместья, вотчины и животы»), которое шло в пользу государства²⁰.

Конфискация как дополнительный вид наказания чаще всего применялась при совершении особо опасных преступлений, в том числе посягающих на государственный строй.

Еще одной особенностью назначения наказания за совершение преступлений экстремистской направленности было наличие возможности наложения санкций на родственников виновного. В рамках реализации последней использовался следующий общий принцип, который нашел свое закрепление в ст. 6 и 7 гл. II уложения: лица, знавшие об измене, наказывались наравне с изменником, а не знавшие ответственности не подлежали²¹.

В судебно-следственной практике рассматриваемого исторического периода личная и имущественная неприкосновенность обеспечивалась не всегда. Дети изменника могли быть лишены поместий и чинов. Чаще всего не знавшие об измене родственники подлежали высылке в разные города, что затрудняло семейное общение. Например, несмотря на подтверждение под пыткой того обстоятельства, что родственники про его, Ивашкину, измену никак не ведали, по государеву указу велено «братьев изменника Ивашки Козлова и мать его и сестру... со-

слать на житье в Казанские города и устроить на службу»²².

С нашей точки зрения, данный принцип целесообразно легализовать в рамках действующего законодательства, направленного на противодействие преступлениям экстремистской направленности, путем внесения соответствующих изменений, определяющих порядок наложения конфискации в нормы уголовного закона. Ведь лица, осознающие противоправность поведения иного лица, посредством своей пассивности формально способствуют совершению преступления и в некоторых случаях могут рассматриваться как соучастники.

Часто вспыхивавшие народные восстания свидетельствовали об отсутствии авторитета у власти, нехватке эффективных механизмов регулирования общественных отношений, пробельности правовой базы, основанной лишь на насильственных способах регулирования. Вышеуказанные обстоятельства и явились причинами крупномасштабного восстания, переросшего в крестьянскую войну (1675–1683 гг.). Лидером народного движения стал Степан Разин, построивший свою программу на несогласии крестьян, донского казачества, городских низов и поработченных народов с политикой действующего правительства. Основной идеей и целью войны было свержение существующей власти путем применения насильственных способов, что, несомненно, указывает на наличие экстремистских мотивов²³.

Для укрепления своих позиций власть пошла по пути ужесточения ответственности за преступления, посягающие на государственный интерес, был расширен перечень соответствующих преступных деяний. Причем в основу критерия наказуемости был положен статус потерпевшего: чем выше ранг, тем суровее наказание. Данная позиция исключала принцип равенства и порождала противостояние. Ярким примером избыточности репрессивных мер этого периода стало установление уголовной ответственности за обнаружение умысла на убийство царя или господина.

В целях укрепления охраны государственного строя в уложение была внесена норма, регламентирующая ответственность за недоносительство о готовящемся государственном преступлении (ст. 18–19). Причем санкция за совершение данного деяния относилась к разряду абсолютно определенных – смертная казнь «без всякой пощады»²⁴.

Нововведением в уголовном законодательстве рассматриваемого периода ста-

ло расширение круга субъектов уголовных правоотношений. Теперь к уголовной ответственности могли привлекаться не только статусные члены общества, но и холопы. Особого внимания заслуживает внедрение принципа, дающего возможность назначения нескольких наказаний за совершение одного преступления. Самым суровым видом наказания была смертная казнь. Уложение предусматривало два ее вида: простую и квалифицированную. Последняя применялась в основном за совершение государственных преступлений²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 266.

² См.: Калинин Г.С., Гончаров А.Ф. История государства и права СССР. М., 1972. С. 77.

³ См.: Противодействие экстремистской деятельности в России: Учеб. пособие / Под ред. Д.А. Барина, О.А. Мартыновой. Хабаровск, 2009. С. 6–8.

⁴ См.: Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 342.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 381.

⁷ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г.: Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. Судебник 1497 г. С. 11.

⁸ Цит. по: Там же. С. 29.

⁹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч.1. С. 270.

¹⁰ См.: История России: Полный энциклопедический справочник. М., 2003.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 2002. С. 192.

¹³ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. М., 2006. С. 274.

¹⁴ См.: Энциклопедия российской монархии. М., 2002. С. 298.

¹⁵ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. С. 272.

¹⁶ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. С. 337.

¹⁷ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 6.

¹⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 262.

¹⁹ См.: Там же. С. 263.

²⁰ См.: Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Сост. Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, К.А. Софроненко, О.И. Чистяков, С.И. Штамм. М., 1957. С. 33.

²¹ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 7.

²² Цит. по: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 252.

²³ См.: Суворов А.И. Политический терроризм в России: истоки, структура, особенности // Закон и право. 2002. № 8. С. 71–77.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. С. 35.

²⁵ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. Томсинов В.А. М., 2000. С. 70.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на различных исторических этапах опасность экстремизма оценивалось по-разному, о чем свидетельствуют проанализированные правовые памятники и отсутствие дефиниции рассматриваемого понятия. Наделение экстремизма различным уровнем общественной опасности, по нашему мнению, лишь придает изучаемому явлению особую актуальность и правовую значимость, а также обуславливает необходимость более детальной разработки правовых механизмов противодействия ему.

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 266.

² См.: Калинин Г.С., Гончаров А.Ф. История государства и права СССР. М., 1972. С. 77.

³ См.: Противодействие экстремистской деятельности в России: Учеб. пособие / Под ред. Д.А. Барина, О.А. Мартыновой. Хабаровск, 2009. С. 6–8.

⁴ См.: Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 342.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 381.

⁷ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г.: Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. Судебник 1497 г. С. 11.

⁸ Цит. по: Там же. С. 29.

⁹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч.1. С. 270.

¹⁰ См.: История России: Полный энциклопедический справочник. М., 2003.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 2002. С. 192.

¹³ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. М., 2006. С. 274.

¹⁴ См.: Энциклопедия российской монархии. М., 2002. С. 298.

¹⁵ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. С. 272.

¹⁶ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. С. 337.

¹⁷ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 6.

¹⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 262.

¹⁹ См.: Там же. С. 263.

²⁰ См.: Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Сост. Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, К.А. Софроненко, О.И. Чистяков, С.И. Штамм. М., 1957. С. 33.

²¹ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 7.

²² Цит. по: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 252.

²³ См.: Суворов А.И. Политический терроризм в России: истоки, структура, особенности // Закон и право. 2002. № 8. С. 71–77.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. С. 35.

²⁵ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. Томсинов В.А. М., 2000. С. 70.